

В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Ж.А. Шаповал

ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируется состояние социокультурных оснований формирования субъектности региональных сообществ в современной России, выявляются возможности и ограничения их использования для повышения самостоятельности субъектов РФ в конструировании социальной реальности. Методологическую основу работы составили разрабатываемая рядом зарубежных и отечественных исследователей теория идентичности и теория социокультурной динамики П. Сорокина. Работа опирается на интерпретацию результатов эмпирического социологического исследования «Реновация социокультурных констант как фактор воспроизводства и развития региональных сообществ», проведенного авторами в 2021 г. в Белгородской области. Исследование включало: 1) анкетный опрос населения (N=500; выборка районированная, квотная; в качестве квотных признаков выступали: место жительства, пол, возраст); 2) экспертный опрос (N=30; критерии отбора экспертов: стаж научно-исследовательской работы в сфере социологии, наличие научных публикаций по проблемам социологии культуры и социологии региона); 3) фокус-групповое интервьюирование (три группы: молодежь, работники бюджетных учреждений, относящихся к социокультурной сфере, работники масс-медиа, общее количество участников – 32 чел.).

Выявленная в ходе исследования неготовность большинства респондентов соотносить себя с регионом, дополняемая их сомнениями в наличии сложившегося в его границах сообщества, позволяет сделать заключение о незначительной роли идентичности как предпосылки формирования у регионального сообщества атрибута субъектности. Анализ

диспозиций участников исследования позволяет довольно критически оценить перспективы повышения уровня субъектности регионального сообщества посредством актуализации специфического ценностно-нормативного комплекса, включающего ценности, нормы и образцы поведения, на основе которых возможна консолидация (интеграция) социума.

Ключевые слова: регион; региональное сообщество; субъектность; ценностно-смысловой комплекс; идентичность; социокультурные константы; ценности; социальные нормы; образцы поведения

Для цитирования: Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Формирование субъектности региональных сообществ в России: социокультурный аспект // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 121–143. DOI: 10.15372/REG20230205.

ВВЕДЕНИЕ

Население любого субъекта Российской Федерации представляет собой потенциальное сообщество, т.е. сформировавшуюся на конкретной территории популяцию, для которой характерно наличие общих интересов, возникающих на их основе межличностных и межгрупповых связей, а также осознание региональной идентичности. Потенциальный характер превращения населения регионов в сообщества определяется противоречивостью их развития. С одной стороны, интеграция регионов является естественным и едва ли не единственно адекватным решением, позволяющим обеспечить воспроизводство и конкурентоспособность в ситуации, когда ресурсы развития становятся все более ограниченными, а число претендентов на них возрастает. Но с другой стороны, в современном обществе существуют довольно жесткие барьеры на пути интеграции локальных территориальных систем. Во-первых, она противоречит глобализации мирового развития, в ходе которой фактически устраняются границы и у человека размываются представления об особенностях и смысле своего существования, на которых базируется региональная идентичность [8, с. 507]. Этот барьер сохраняет свое значение, несмотря на попытки представить глобализацию как глокализацию, подчеркивая тем самым значение локальных субъектов. Во-вторых, в России

оформление региональных сообществ осложнено выстраиванием жесткой вертикали власти, которая фактически (хотя это и не декларируется официально) минимизирует возможности агрегирования и артикулирования региональных интересов.

Между тем тенденция к формированию региональных сообществ объективно детерминирована. И даже не столько наличием очевидных преимуществ у интегрированных и консолидированных социальных ассоциаций по сравнению с разобщенными (снижение уровня конфликтности, возможность эффективной мобилизации ресурсов), сколько тем, что только такое сообщество может быть реальным носителем атрибута субъектности, наличие которого необходимо для стабильного воспроизводства и развития локальных систем.

В научной литературе концепция социальной субъектности разработана в основном применительно к отдельной личности или группе [1; 3; 7; 9; 11], и обычно социальная субъектность трактуется как способность общества, группы или отдельного человека быть творцом социальной реальности [9, с. 146]. В нашем понимании субъектность регионального сообщества представляет собой его способность самостоятельно определять стратегию своего развития в пределах, обозначенных Конституцией и федеральными законами, а также противодействовать скрытому (манипулятивному) воздействию, признаком которого является «десубъективизация» объекта [12].

Процесс обретения региональным сообществом атрибута субъектности не может осуществляться стихийно. Он требует регулирования и саморегулирования, которые могут быть эффективными лишь при учете воздействия на него разноплановых условий и факторов. В настоящее время региональные элиты, ориентированные на формирование субъектности, чаще всего используют административные и политические возможности решения данной задачи, что не всегда приводит к ожидаемым результатам. Как правило, мало внимания уделяется недостаточно исследованным в социологии социокультурным основаниям формирования субъектности, воплощенным в системе ценностно-нормативных комплексов, интериоризированных акторами и выступающих в качестве регулятивов их поведения. Между тем от их состояния в значительной мере зависит превра-

щение региональных сообществ в самостоятельных «игроков» в публичном пространстве.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема, поставленная в настоящем исследовании, определяется наличием противоречия между потребностью у региональных сообществ в современной России в формировании у них атрибута субъектности, детерминированной общей логикой их развития, и дефицитом концептуальных представлений о состоянии социокультурных оснований этого процесса, создающих как возможности, так и ограничения для его реализации.

Предмет данного исследования – социокультурные основания формирования субъектности региональных сообществ в современной России. *Цель* – проанализировать состояние социокультурных оснований формирования субъектности региональных сообществ в современной России, выявив возможности и ограничения их использования для повышения самостоятельности субъектов РФ в конструировании социальной реальности.

Методологическую основу работы составили:

во-первых, разрабатываемая рядом зарубежных (А. Аппадурай [17], К. Джерджен [4], Б. Парекх [18], Э. Эриксон [16] и др.) и отечественных (П.С. Гуревич [2], Д.Н. Замятин [5], И.С. Семененко [8] и др.) исследователей теория идентичности, рассматриваемой как «форма отражения субъективных представлений о себе и о других, утверждающихся в ходе соотнесения себя со значимыми другими» [8, с. 24]. Утверждение региональной (локальной) идентичности в сознании большинства населения интерпретируется как важнейшая социокультурная предпосылка превращения его в сообщество и в перспективе – формирования атрибута субъектности;

во-вторых, теория социокультурной динамики П. Сорокина, в которой обосновывается, что «каждый процесс значимого социального действия состоит из трех компонентов. ...Эти компоненты включают в себя: 1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы,

благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы» [13, с. 193]. В контексте теории П. Сорокина представляется возможным рассматривать формирование субъектности регионального сообщества как нелинейный процесс, аттрактором в котором выступает ценностно-нормативный комплекс, интериоризированный большинством населения и представляющий собой своего рода социокультурную константу, способную консолидировать различающиеся по своим интересам группы.

Работа опирается на интерпретацию результатов эмпирического социологического исследования «Реновация социокультурных констант как фактор воспроизводства и развития региональных сообществ», проведенного авторами в 2021 г. в Белгородской области. Исследование включало

- анкетный опрос населения. Выборочная совокупность составила 500 респондентов. Выборка районированная, квотная. В качестве квотных признаков выступали: место жительства; пол; возраст. Статистическая погрешность планировалась на уровне не более 2%;
- экспертный опрос. Выборочная совокупность составила 30 экспертов. Критериями отбора экспертов явились: стаж научно-исследовательской работы в сфере социологии; наличие научных публикаций по проблемам социологии культуры и социологии региона;
- фокус-групповое интервьюирование (три группы, общее количество участников – 32 чел.). В состав фокус-групп входили: 1) молодежь; 2) работники бюджетных учреждений, относящихся к социокультурной сфере; 3) работники масс-медиа.

Поскольку исследование было осуществлено лишь в одном субъекте РФ, его результаты не могут некритически экстраполироваться на территорию всей страны, хотя они отражают некоторые общие для регионов Центральной России тенденции.

Гипотеза исследования включала в себя несколько взаимосвязанных предположений:

- наиболее благоприятные перспективы для формирования субъектности региональных сообществ возникают при условии их консолидации, расширяющей возможности для артикулирования и агрегирования интересов составляющих их групп;
- при этом наличие региональной идентичности в силу ее символического характера создает лишь предпосылку для утверждения атрибута субъектности. Поддержание и реализация его требуют иных аттракторов, которыми могут быть общее дело, личность харизматичного лидера-руководителя, традиции, ценностно-нормативный консенсус;
- два первых аттрактора, как правило, в большинстве субъектов РФ малозначимы из-за высокого уровня социальной дифференциации и деградации института регионального лидерства. Поэтому в своем стремлении (чаще всего непоследовательном и нечетко выраженном) к обретению субъектности региональные элиты обычно апеллируют к традиционным ценностям, нормам и образцам поведения;
- однако чтобы превратиться в аттрактор процесса формирования субъектности регионального сообщества, они должны быть реновированы (восстановлены с учетом современного контекста) и актуализированы в массовом сознании;
- сложность этого процесса заключается в размытости у большинства населения представлений о содержании коллективистских ценностно-нормативных комплексов и в их значительной девальвации.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты исследования подтвердили предположение относительно размытости представлений респондентов о собственной идентичности. Более того, они дают основание для утверждения об относительно невысокой значимости для респондентов региональной идентичности в сравнении с ее иными формами.

Показательно, что только 3,2% респондентов воспринимают себя в качестве представителей региона. Жители Белгородской области ощущают себя прежде всего россиянами (50,2%), жителями своего города или района (20,6%), представителями своего народа (10,6%) (см. таблицу)¹. При этом идентификационные установки различаются у представителей отдельных возрастных когорт. И примечательно, что молодые люди 18–24 лет чаще, чем граждане старших возрастов, идентифицируют себя с регионом.

Но в целом вектор идентификации населения в настоящее время ориентирован преимущественно на макросоциальные общности, хотя следует обратить внимание на то, что изначально можно было ожидать более высокие значения индикаторов, по меньшей мере в отношении российской идентичности. В содержательном плане основанием для такого ожидания служило то, что в последние десятилетия власть предприняла значительные усилия, преимущественно символического характера, направленные на повышение значимости внутреннего имиджа страны. В техническом плане подобное ожидание базировалось на понимании, что респонденты довольно часто выби-

¹ Безусловно, при интерпретации полученных результатов нельзя не учитывать сложности семантического характера, связанные с неоднозначностью формулировок предлагаемых респондентам вариантов ответов. В одном смысловом ряду нами были использованы термины «россиянин», прямо соотносящий человека с государством, рассматриваемым в данном случае как административно-политический и социокультурный феномен, «представитель» (применительно к региону и народу) и «житель» (применительно к городу или району). Недостаточная корректность терминологии в данном случае, на наш взгляд, компенсируется тем, что использованы словосочетания, обычно употребляемые в повседневном общении, вполне понятные участникам опроса. Практика проведенных нами исследований показывает, что в общении термин «россиянин» обычно употребляется для обозначения гражданской идентификации, «житель» – для идентификации с местом проживания (крайне редко говорят «житель России» – в единственном числе), «представитель» – для этнической идентификации (при этом представительство понимается как принадлежность). Несколько сложнее обстоит дело с применением последнего термина в отношении региона; он может быть интерпретирован как указание на участие в работе институтов, в той или иной мере репрезентирующих регион. Однако подобная интерпретация все же является неочевидной, опыт показывает, что обычно его трактуют как равнозначный термину «житель».

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Кем вы себя ощущаете прежде всего?» с учетом возраста, %**

Вариант ответа	Возраст, лет				
	18–24	25–39	40–59	60 и старше	В с е г о
Россиянином	37,04	45,39	60,00	48,57	50,20
Жителем своего города, района	29,63	17,73	16,97	24,29	20,60
Представителем своего народа	5,56	9,22	8,48	16,43	10,60
Гражданином мира	9,26	17,02	4,24	3,57	8,20
Затрудняюсь ответить	5,56	4,26	3,03	2,14	3,40
Представителем своего региона	9,26	1,42	2,42	3,57	3,20
Европейцем	1,85	4,26	1,82	–	2,00
Другое	1,85	0,71	1,81	0,71	1,20
Не ответили	–	–	1,21	0,71	0,60
И т о г о	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

рают первый по порядку вариант ответа, если он прямо не противоречит их установкам.

Полученные результаты мы склонны рассматривать как свидетельство кризиса «больших идентичностей» в относительно стабильной реальности (исследование проводилось до начала специальной военной операции на Украине). Более того, вектор идентичности, скорее всего, и дальше будет все более смещаться в направлении «малых» сообществ, самоорганизующихся на основе семейно-родственных связей, совместной деятельности либо субкультурной специфики. Регион в контексте данного процесса явно проигрывает тем и другим. Прежде всего потому, что его «промежуточное» положение не способствует продуцированию смыслов и значений, привлекательных для большей части населения. В этом контексте региональное сообщество воспринимается многими жителями как симулякр, что и подтвердило проведенное фокусированное интервью. Его участники в большинстве своем вообще усомнились в наличии регионального сообщества.

Достаточно типичными в ходе дискуссии были следующие высказывания. Светлана, работник сферы образования: *«Региональное сообщество характеризует прежде всего сплоченность населения, а также наличие единых ценностей и смыслов, а применительно к нашему региону я не вижу ни первого, ни второго»*. Оксана, представитель СМИ: *«Если раньше людей объединяла вера в светлое будущее и коммунизм, то теперь людям не во что верить. Старшее поколение озлоблено на власть и никому не верит, а молодое поколение заиклено на своих гаджетах и зарабатывании денег и довольно инертно»*.

Участниками фокус-групп была высказана и поддержана идея о том, что регион – это скорее множество различных сообществ (территориальных, профессиональных, по интересам и т.д.), выступающих своего рода корпорациями. Татьяна, представитель СМИ: *«Можно говорить о сформированном региональном сообществе в различных профессиональных сферах»*.

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что в актуальном плане региональная идентичность как предпосылка для оформления сообщества и формирования у него атрибута субъектности фактически не работает, существуя в качестве возможности. Примечательно, что участники фокус-групп не отрицали, а напротив, даже подчеркивали наличие оснований для формирования сообщества, содержащихся в региональной культурно-исторической традиции. Почти абсолютное одобрение получили следующие высказывания. Алина, представитель СМИ: *«Людей сплачивает история их области, края, республики, ценности, которые в нее закладываются. Белгород имеет очень сильную историческую культуру, которая помогает формировать региональное сообщество»*. Олеся, представитель СМИ: *«Регион, во-первых, объединяет история, так как люди стараются ценить традиции и обычаи. Во-вторых, это человеческая сплоченность, которая зарождалась с времен мировых войн»*.

Допуская возможность формирования регионального сообщества, белгородцы связывали ее преимущественно с феноменами ретроархаики. Но при этом многие из них констатировали: значительная часть традиций утрачена и вряд ли может быть возрождена в современных условиях, что создает существенный барьер для утверждения

дения региональной идентичности. Пожалуй, наиболее точно резюмировал суть позиции большинства один из участников. Василий, работник сферы образования: *«В социокультурном смысле уровень воспроизводства региональной идентичности и особенностей низок, что обусловлено десятилетиями унификаторской политики и подавлением региональных особенностей, но это скорее общероссийская проблема. Характерен высокий уровень централизации, отсутствие реального федерализма и местного самоуправления, отрицательная кадровая селекция, в том числе и в сфере культурно-гуманитарной политики».*

Таким образом, неготовность большинства участников исследования соотносить себя с регионом, дополняемая сомнениями в наличии сложившегося в его границах сообщества, позволяет сделать заключение о незначительной роли идентичности как реально действующего фактора формирования у регионального сообщества атрибута субъектности.

Анализ диспозиций участников исследования позволяет также довольно скептически оценить перспективы укрепления свойства субъектности посредством актуализации специфического ценностно-нормативного комплекса. Этот вывод естественным образом следует из оценки высказываний респондентов о характерных для них ценностях, нормах и образцах поведения, на основе которых (при условии их взаимосвязанности и «просоциальности») способен консолидироваться (интегрироваться) социум.

Роль консолидации в данном контексте важна хотя бы уже потому, что консолидация минимизирует возможность внутренних конфликтов, которые препятствуют формированию общей позиции по актуальным проблемам развития. При этом наиболее значительным консолидирующим потенциалом в структуре ценностно-нормативного комплекса обладают ценности. Как резонно заключает В.Н. Кузнецов, «ценностный консенсус – важный фактор функционирования и поддержания стабильности общества на основе согласия, базирующегося на сходстве взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей, норм, правил поведения, ролей, отношений власти и т.д. между субъектами социальных отношений» [10, с. 37].

Однако наше исследование выявило, что консенсус имеет место только в отношении ценности семьи и семейного благополучия. Эта ценность значима для 78,2% респондентов. Остальные «просоциальные» ценности разделяют меньшинство участников исследования: справедливость значима для 30,2%, патриотизм – для 24,4%, доброта – для 22,8%, доверие к людям – для 22,2%. Наименьшее значение для жителей Белгородской области имеют ценности интернационализма (5,4%), коллективизма (11,8%) и солидарности (17,2%) (рис. 1). Однозначное преобладание ценности семьи подтверждается и тем, что для большинства опрошенных (73,8%) главной жизненной установкой является семейное счастье (рис. 2).

Полученные результаты не стали неожиданными, они в значительной степени являются следствием дискредитации консолидирующих «просоциальных» ценностей в потребительском обществе. Ука-

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие традиционные ценности представляются вам наиболее значимыми? (укажите не более трех вариантов ответа)», %

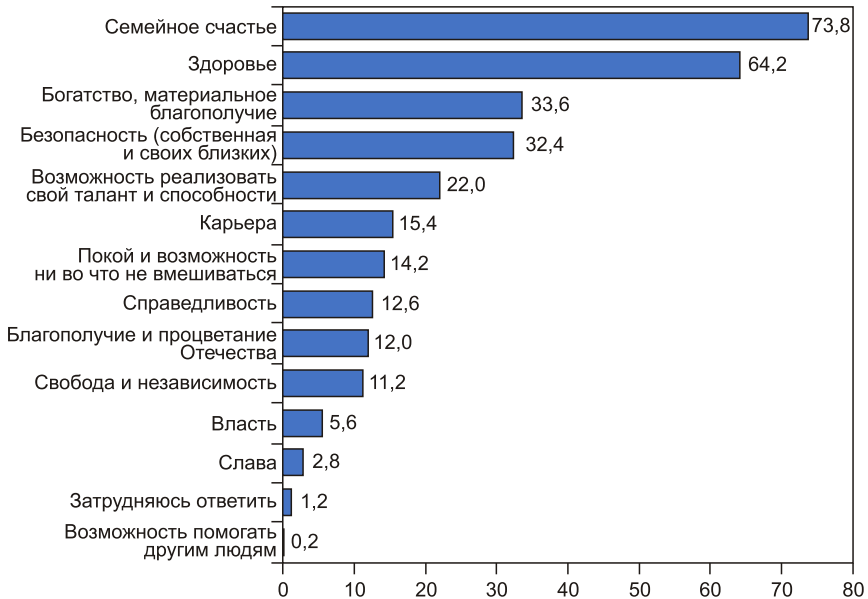

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Что для вас сегодня является главным в жизни?
(укажите не более трех вариантов ответа)», %

зывая на это, А.С. Запесоцкий пишет, что «ценности, выстраданные человечеством за тысячелетия его развития, теряют смысл: труд, честность, патриотизм, уважение к старшим, любовь, дружба, служение закону — все это предано осмеянию и глумлению. Поруганию предаются и такие либеральные ценности, как демократия, свобода слова, равенство перед законом, уважение к личности, право частной собственности. Прямыми производными от этой идеологии являются: тотальная экономическая неэффективность, судебный произвол, коррупция, anomия и социальная дезорганизация, практически всесторонняя деградация социума, разрушение нашего главного национального богатства — великой культуры» [6, с. 138].

При всем позитивном значении ценности семьи вряд ли можно оспорить тезис о том, что она консолидирует людей преимущественно в пределах короткой социальной дистанции, мало влияя на

формирование субъектности всего регионального сообщества. Более того, несмотря на ее «просоциальный» характер, ориентация на семейное счастье в ситуации, когда оно прямо не увязывается с идеей развития субъекта РФ (по модели «благополучная семья – сильная держава»), способна не интегрировать, но в известной мере дезинтегрировать социальное пространство.

Неоднозначно влияет на формирование атрибута субъектности состояние второго компонента ценностно-нормативного комплекса – социальных норм. На первый взгляд, они соблюдаются большинством белгородцев, что объективно способствует интеграции сообщества. Однако нельзя не учитывать структурированность социальных норм, среди которых выделяют правовые нормы, нравственные нормы и обычаи. Отношение респондентов к каждому из этих типов различно. Так, 71,6% респондентов стараются всегда соблюдать законы, но уже только 61,8% – придерживаться нравственных норм и 47,2% – не нарушать обычаи (рис. 3).

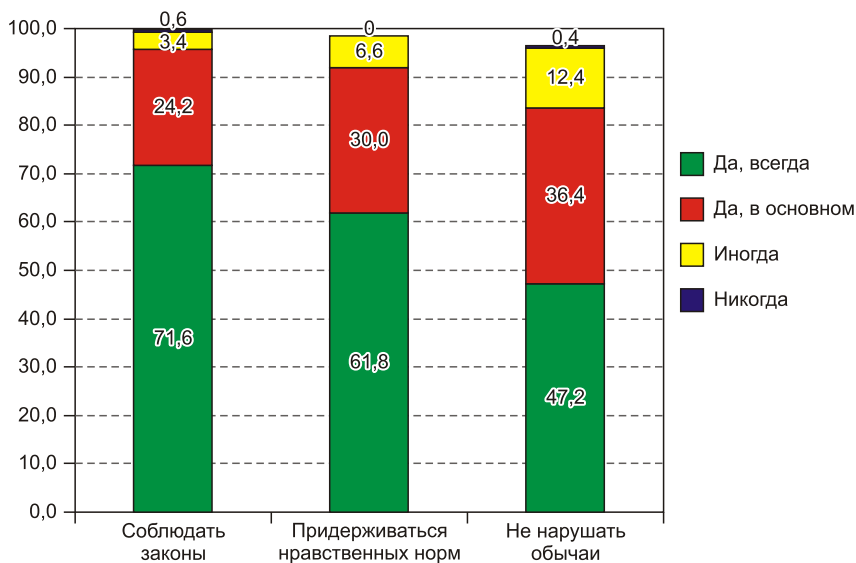

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В повседневной жизни вы стараетесь ...?», %

Однако, по нашему мнению, последний индикатор не вполне адекватен реальной ситуации. Его относительно низкая величина, скорее всего, обусловлена тем, что обычаи чаще всего связываются с так называемой «стариной». Нередко для их характеристики используют понятие «народные обычаи», сдвигая генезис данного феномена в глубь веков, в то время как в повседневной жизни люди опираются на обычаи, сложившиеся относительно недавно, но тем не менее превратившиеся в устойчивые поведенческие паттерны, которые принимаются автоматически, без глубокой рефлексии. При этом следование обычаям рассматривается не столько как «дань традиции», сколько как своего рода «гарантия» стабильности образа жизни, которая, как бы парадоксально это ни выглядело, востребована даже молодежью, ориентированной преимущественно не на прошлое, а на будущее.

В частности, исследования А.Э. Ушамирского показали, что традиция, сохранение привычного образа жизни высоко оценивается молодыми людьми и входит в число шести наиболее значимых ценностей. Так, средняя оценка у респондентов значимости традиции по шкале от 1 до 10 составила 6,79 балла и оказалась равной оценке ценностной установки на личный успех. Немного более значимы для молодых людей лишь ценности доверия к людям (7,23 балла), благожелательности, готовности помочь другим (7,38 балла), жизни в свое удовольствие (7,06 балла), богатства (6,89 балла) [14, с. 131]². Несмотря на то что эти данные получены шесть лет назад, наши исследования подтверждают: и сегодня обычаи, выступающие наряду с нарративами в качестве важнейших элементов традиции, рассматриваются значительной частью граждан как существенный фактор региональной интеграции. Так, в ходе фокус-группового интервьюирования почти все его участники согласились со следующим

² Данные рассчитаны на основе результатов исследования «Интересы современной молодежи», проведенного А.Э. Ушамирским методом анкетирования в Волгоградской области (2016 г., N=501). Расчет балльных оценок осуществлялся по формуле $x = (h_1 - m) + (h_2 - m_1) + \dots (h_n - m_n) : n$, где $h_1 \dots h_n$ – баллы оценки каждой из позиций; m – количество выборов; n – число респондентов, выбравших позицию.

утверждением. Светлана, работник СМИ: *«Конечно, традиции нужно сохранять и по возможности возобновлять давно забытые, так как они играют очень важную роль в жизни общества. Они являются факторами стабильности общества, чем больше традиций и чем четче они соблюдаются, тем характер сообщества выражен отчетливее, тем сообщество однороднее. Однако стабильность не должна превращаться в неизменность».*

Консолидирующая роль обычаев определяется тем, что в отличие от норм права, которые носят формальный характер, они наполнены реальным содержанием. Зачастую следование обычным практикам становится приоритетным даже по отношению к нравственным нормам, поскольку эти практики поддерживаются договоренностями, предполагающими добровольное принятие сторонами обязанности следовать им и брать на себя ответственность за последствия действий или бездействий.

В условиях, когда правовые и нравственные нормы теряют свое значение и утверждается то, что А.С. Кравченко называет «нормальной аномией», договоренности (конвенции), заключаемые от имени групп интересов их легитимными представителями, превращаются в наиболее надежное основание для интеграции сообществ и обретения ими атрибута субъектности. Однако этот процесс может успешно осуществляться лишь в обществе, для которого характерна развитая культура доверия. Как полагает П. Штомпка, она должна опираться на нормативную согласованность, стабильность социального порядка, прозрачность, социальную организацию, ощущение понятности окружающего мира, подотчетность других людей и институтов [19].

При отсутствии этих оснований, что имеет место в современной России, возникает феномен дефицита доверия, отмечаемый многими исследователями. В частности, исследование «Ценностная солидаризация и общественное доверие в России» (N=2600), которое группа ЦИРКОН проводит с 2018 г., фиксирует тенденцию снижения уровня межличностного доверия. Так, в 2020 г. доля граждан, считающих, что людям можно доверять, составила 31% и уменьшилась по сравнению с 2019 г. на 9,4%, а в сравнении с 2018 г. на 16% [15].

Низкие готовность и способность доверять друг другу оборачиваются на практике усилением фрагментации региональных сооб-

ществ, их деконсолидацией. Так, в ходе проведенного нами исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» 16 из 18 опрошенных экспертов, указавших на неготовность граждан к объединению, причиной этого назвали именно дефицит доверия (экспертный опрос был проведен авторами статьи в 2022 г., опрошено 50 экспертов – работников сферы государственного и муниципального управления, представителей общественных организаций, научного сообщества в Курской, Белгородской, Воронежской областях).

Крайне неоднозначным представляется состояние третьего компонента ценностно-нормативного комплекса, потенциально способного поддерживать атрибут субъектности региональных сообществ, – доминирующих образцов поведения. Исследование показало, что основная масса населения ориентируется в своей повседневной жизни на подражание близким и родственникам, что является вполне логичным следствием индивидуализации сознания, сосредоточенности его на феноменах, относящихся к непосредственному узкому окружению. Фактически девальвированными являются сегодня символические образы, олицетворяющие собой более широкий по содержанию общественный интерес, идеи социального служения. Показательно, в частности, что персонажи художественной литературы и исторические личности, чьи поведенческие модели обычно реплицируются в качестве типизированных, служат примером лишь для 23,4% респондентов. В то же время треть опрошенных (32,6%) отметили, что не имеют устоявшихся образцов поведения и никому не подражают, а каждый десятый и вовсе затруднился ответить на поставленный вопрос (рис. 4).

Допустимо предположить, что данное обстоятельство является еще одним свидетельством высокого уровня атомизации регионального сообщества, поскольку при всей понятности и естественности ориентации граждан в своих жизненных практиках на ближайшее окружение она означает замещение общих для больших групп населения ориентиров (идеалов) множеством узкогрупповых примеров для подражания. Безусловно, каждый из них может иметь «просоциальное» содержание, стимулировать адекватные ему индивидуальные

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Откуда вы обычно берете образцы для своего поведения?»
(укажите не более трех вариантов ответа)», %

действия, но эти примеры сами по себе не консолидируют региональное сообщество, поскольку радиус их влияния ограничен семейно-родственной или соседской локацией, и тем самым они объективно ограничивают возможности формирования у этого сообщества атрибута субъектности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принцип федеративного устройства российского государства, закрепляющий формальную самостоятельность его субъектов (крупных административно-территориальных единиц), пределы которой ограничены Конституцией и законами, по-разному рефлексированы в массовом и элитарном сознании. Одним из вариантов такой рефлексии является представление о превращении населения субъекта РФ в региональное сообщество, составляющее целостное образование с общими интересами, и о возможности приобретения им атрибута

субъектности. Субъектность в данном случае фактически становится синонимом реальной самостоятельности и связывается со способностью такого сообщества быть самостоятельным «игроком» в публичном пространстве на федеральном, а иногда и на международном уровне. Сложности, возникающие в связи с попытками целенаправленного формирования субъектности региональных сообществ при помощи экономических, политических и административных мер, заставляют обращаться к проблеме социокультурных оснований данного процесса, создание которых начинает рассматриваться в качестве возможного решения, компенсирующего недостатки иных способов. В структурном отношении эти основания включают в себя, во-первых, утверждение региональной идентичности как важнейшей предпосылки процесса формирования субъектности сообщества и, во-вторых, наличие разделяемого большинством жителей ценностно-нормативного комплекса, выступающего в качестве его аттрактора.

Однако проведенное нами исследование показало, что применительно к российскому региону оба компонента оснований субъектности в настоящее время являются скорее симулякрами, чем реально существующими феноменами публичного дискурса. Региональная идентичность в значительной степени размыта и проигрывает в конкуренции с оппонирующими ей макросоциальной (государственной) и микросоциальной (местной) идентичностями. Ценностно-нормативный комплекс, объединяющий население, фактически отсутствует, поскольку лишь ценность семьи представляется безусловной «просоциальной» ценностью для жителей субъекта РФ. При всей позитивной значимости ценности семьи, поскольку в массовом сознании она жестко не увязана с идеей субъектности сообщества, эта ценность не способна существенно стимулировать формирование региональной идентичности. К тому же индивидуализация и корпоративизация публичного пространства, выступая в качестве дополнительных ограничителей региональной консолидации, минимизируют способность жителей региона выйти за рамки частных и групповых интересов и включиться в процесс конструирования собственного, общего для них, будущего.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>*

Список источников

1. Алиев В.В. Основы исследования социальной субъектности молодежи // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 152–161. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.14.
2. Гуревич П.С., Спирова Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. – М.: Канон+, 2015. – 367 с.
3. Дарган А.А. Развитие идей о способности субъекта к самостоятельному выбору и современная дискуссия о социальной субъектности // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 2. – С. 82–94. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.7.
4. Джерджен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика / Пер. с англ. А.М. Корбута // Образовательные практики: амплификация маргинальности / Под ред. А.А. Забиро. – Минск: Технопринт, 2000. – С. 74–101.
5. Замятин Д.Н. Сопространственность, территориальная идентичность и место: к пониманию политик постмодерна // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (3). – С. 4–36.
6. Запесоцкий А.С. Ультралиберальная идея капитализма и деформации общественного развития России // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 137–141.
7. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М., 2017. – С. 12–48.
8. Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь Мир, 2017. – 992 с.
9. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. – М.: Социум, 1999. – 350 с.
10. Кузнецов В.Н. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии. – 2003. – № 3. – С. 7–47.
11. Луков В.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. – М.: Канон+, 2012. – 528 с.
12. Нуриджанов А.Э. Социальные технологии скрытого воздействия в управлении предприятиями малого и среднего бизнеса современной России (региональный аспект): Дисс. ... д-ра социол. наук. – Белгород, 2019. – 392 с.
13. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
14. Ушамирский А.Э. Социальный механизм регулирования процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта: Дисс. ... д-ра социол. наук. – Белгород, 2020. – 477 с.
15. Ценностная солидаризация и общественное доверие в России. – URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/> (дата обращения: 02.11.2021).

16. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
17. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: Univ. of Minnesota Press, 1996.
18. Parekh B. Ethnocentricity of the nationalist discourse // *Nations and Nationalism*. – 1995. – Vol. 1, No. 1. – P. 25–32.
19. Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. – Oxford: Blackwell. – 1993. – URL: <http://www.books.google.ru> (дата обращения: 20.09.2022).

Информация об авторах

Бабинцев Валентин Павлович (Россия, Белгород) – доктор философских наук, профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Белгород, ул. Победы, 85). E-mail: babintsev@bsu.edu.ru.

Гайдукова Галина Николаевна (Россия, Белгород) – кандидат социологических наук, доцент. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Белгород, ул. Победы, 85). E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru.

Шаповал Жанна Александровна (Россия, Белгород) – кандидат социологических наук, доцент. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Белгород, ул. Победы, 85). E-mail: shapoval@bsu.edu.ru.

DOI: 10.15372/REG20230205

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 121–143

V.P. Babintsev, G.N. Gaidukova, Zh.A. Shapoval

FORMATION OF REGIONAL COMMUNITY SUBJECTNESS IN RUSSIA: A SOCIO-CULTURAL ASPECT

The article aims to analyze the sociocultural foundations that shape the so-called “subjectness” of regional communities in modern Russia and identify their potential and limitations in increasing the autonomy of the Russian Federation’s constituent entities in constructing social reality. To achieve this, we draw upon the identity theory developed by several foreign and

domestic researchers, as well as the sociocultural dynamics theory by P. Sorokin. The research is based on an empirical sociological study, "Renovation of Sociocultural Constants as a Factor of Reproduction and Development of Regional Communities," conducted by the authors in Belgorod Oblast in 2021. The study included three methods of data collection. Firstly, a questionnaire survey was conducted among 500 participants, picked by their place of residence, gender, and age – a zoned quota sampling technique. Secondly, an expert survey was carried out involving 30 experts, who were selected based on their research experience in sociology, as well as their published works on topics related to the sociology of culture and the sociology of region. Finally, the researchers conducted focus-group interviews with 32 participants divided into three groups: youth, employees of budget institutions in the sociocultural field, and mass media workers.

The study revealed that most respondents were not willing to identify themselves with the region, and they had doubts about the existence of a community formed within its borders. Therefore, we conclude that identity plays an insignificant role as a prerequisite for establishing subjectness in regional communities. Additionally, examining the participants' dispositions allows a fairly critical assessment of the potential for increasing the level of subjectness within the regional community. This is done through the actualization of a specific axiological-normative complex, consisting of values, norms, and behavior patterns that can facilitate the consolidation or integration of the society.

Keywords: region; regional community; subjectness; axiological-semantic complex; identity; sociocultural constants; values; social norms; behavior patterns

For citation: Babintsev, V.P., G.N. Gaidukova & Zh.A. Shapoval. (2023). Formirovanie subyektnosti regionalnykh soobshchestv v Rossii: sotsiokulturnyy aspekt [Formation of regional community subjectness in Russia: a socio-cultural aspect]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 121–143. DOI: 10.15372/REG20230205.

The research was carried out within the framework of the project No. 21-18-00150 (<https://rscf.ru/project/21-18-00150/>) supported by a grant from the Russian Science Foundation

References

1. *Aliev, V.V.* (2015). Osnovy issledovaniya sotsialnoy subyektности molodezhi [The foundations of studying social subjectness of the youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, 152–161. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.14.
2. *Gurevich, P.S. & E.M. Spirova.* (2015). Identichnost kak sotsialnyy i antropologicheskiy fenomen [Identity as a Social and Anthropological Phenomenon]. Moscow, Kanon+ Publ., 367.
3. *Dargan, A.A.* (2019). Razvitie idey o sposobnosti subyektа k samostoyatelnomu vyboru i sovremennaya diskussiya o sotsialnoy subyektности [Development of the ideas about a subject's ability to choose and modern discussion on social subjectness]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. [Knowledge. Understanding. Skill], 2, 82–94. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.7.
4. *Gergen, K.J.* (2000). Sotsialnoe konstruirovaniye i pedagogicheskaya praktika [Social Construction and Pedagogical Practice]. Transl. from English by A.M. Korbut. In: A.A. Zabirko (Ed.). *Obrazovatelnye praktiki: amplifikatsiya marginalnosti* [Educational Practices: Amplification of Marginality]. Minsk, Tekhnoprint Publ., 74–101.
5. *Zamiatin, D.N.* (2014). Soprotivleniye, territorialnaya identichnost i mesto: k ponimaniyu politik postmoderna [Co-spatiality, territorial identity and place: towards understanding of the politics of postmodernity]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki* [The Arctic XXI century. Humanities], 2 (3), 4–36.
6. *Zapesotskiy, A.S.* (2013). Ultraliberalnaya ideya kapitalizma i deformatsii obshchestvennogo razvitiya Rossii [The ultraliberal idea of capitalism and deformations of social development in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2, 137–141.
7. *Zubok, Yu.A. & V.I. Chuprov.* (2017). Sovremennaya sotsiologiya molodezhi: izmenyayushchayasya realnost i novye teoreticheskie podkhody [Modern youth sociology: changing reality and new theoretical approaches]. In: M.K. Gorshkov (Ed.). *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik: Vyp. 15* [Russia in Reform: Yearbook: Issue 15]. Moscow, 12–48.
8. *Semenenko, I.S.* (Ed.). (2017). Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika: Entsiklopedicheskoe izdanie [Identity: the Individual, Society, and Politics: An Encyclopedia]. Moscow, Ves Mir Publ., 992.
9. *Kovaleva, A.I. & V.A. Lukov.* (1999). Sotsiologiya molodezhi: Teoreticheskie voprosy [Sociology of Youth: Theoretical Issues]. Moscow, Sotsium Publ., 350.
10. *Kuznetsov, V.N.* (2003). O sotsiologicheskom smysle ideologii konsolidatsii: geokulturnyy aspekt [On sociological meaning of the ideology of consolidation: a geo-cultural aspect]. *Bezopasnost Evrazii* [Eurasian Security], 3, 7–47.
11. *Lukov, V.A.* (2012). Teorii molodezhi: Mezhdistsiplinarnyy analiz [Theories of Youth: Interdisciplinary Analysis]. Moscow, Kanon+ Publ., 528.
12. *Nuridzhanov, A.E.* (2019). Sotsialnye tekhnologii skrytogo vozdeystviya v upravlenii predpriyatiyami malogo i srednego biznesa sovremennoy Rossii (regionalnyy aspekt): Diss. ... d-ra sotsiol. nauk. [Social Technologies of Hidden Impact in the Ma-

nagement of Small and Medium-Sized Businesses in Modern Russia (Regional Aspect): Doctor of Sociology Thesis]. Belgorod, 392.

13. *Sorokin, P.A.* (1992). *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 542.

14. *Ushamirskiy, A.E.* (2020). *Sotsialnyy mekhanizm regulirovaniya protsessa realizatsii interesov molodezhi v usloviyakh konflikta: diss. ... d-ra sotsiol. nauk.* [Social Mechanism for Regulating the Process of Youth Interests Implementation in the Conditions of Conflict: Doctor of Sociology Thesis]. Belgorod, 477.

15. *Tsennoostnaya solidarizatsiya i obshchestvennoe doverie v Rossii* [Value Solidarity and Public Trust in Russia]. Available at: <http://doverie.zircon.tilda.ws/> (date of access: 02.11.2021).

16. *Erikson, E.* (1996). *Identichnost: yunost i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Transl. from English. Moscow, Progress Publ., 344.

17. *Appadurai, A.* (1996). *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: Univ. of Minnesota Press.

18. *Parekh, B.* (1995). Ethnocentricity of the nationalist discourse. *Nations and Nationalism*, Vol. 1, No. 1, 25–32.

19. *Sztompka, P.* (1993). *The Sociology of Social Change*. Oxford, Blackwell. Available at: <http://www.books.google.ru> (date of access: 20.09.2022).

About Authors

Babintsev, Valentin Pavlovich (Belgorod, Russia) – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor at Belgorod State National Research University (85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia). E-mail: babintsev@bsu.edu.ru.

Gaidukova, Galina Nikolaevna (Belgorod, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor at Belgorod State National Research University (85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia). E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru.

Shapoval, Zhanna Aleksandrovna (Belgorod, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor at Belgorod State National Research University (85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia). E-mail: shapoval@bsu.edu.ru.

Поступила в редколлегию 24.07.2022.

После доработки 17.10.2022.

Принята к публикации 19.10.2022.